

УДК 811.512.145'372+811.111'372

А. М. Сабирова

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНОНИМОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «НЕЧИСТАЯ СИЛА»)**

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

Аннотация. Исследование синонимического потенциала лексических единиц, входящих в лексико-семантическое поле «нечистая сила», позволяет определить структурную и семантическую организацию анализируемого поля. Ключевым критерием при определении ядра и периферии поля выступает количественное соотношение синонимов у каждой из лексических единиц данного поля. При исследовании семантической составляющей синонимов ведущими критериями выступают их архисемный состав, вариативность дифференциальных сем, семантические константы и оппозиции.

Ключевые слова: синонимический потенциал, компонентный анализ, архисема, дифференциальная сема, межнациональные/национальные константы, бинарная оппозиция, антропоцентризм.

Актуальность исследуемой проблемы. Синонимия как одно из ключевых явлений, отражающих системные семантические отношения в лексической системе языка, сохраняет свою актуальность и при исследовании фольклорного материала. В специальной литературе по теме исследования на татарском и английском языках синонимы рассматриваются с точки зрения историко-этимологических и функциональных особенностей [1], [8], [9], [10], [11], [12]. Вместе с тем синонимия как один из вариантов отношений лексических единиц (далее ЛЕ), исследуется и с точки зрения системной организации ЛЕ семантического поля «нечистая сила», например в русском языке [3, с. 7], а также, в контексте анализа обобщающих названий низших сверхъестественных существ, в английском и русском языках [4, с. 46]. Тем не менее вопрос функционирования ЛЕ-синонимов, описывающих образы нечистой силы, остается открытым.

Всесторонний анализ лексической и семантической сторон синонимии в рамках исследования лексико-семантического поля «нечистая сила» (далее ЛСП «НС») позволяет определить структурную организацию всего ЛСП, уточнить семантическую и лексическую составляющие анализируемого поля.

Материал и методика исследований. Был проведен критический обзор специальной литературы в аспекте изучаемой проблемы. Анализу подвергнут корпус лексических единиц, описывающих образы нечистой силы в татарском и английском языках, на мате-

© Сабирова А. М., 2016

Сабирова Айгуль Марсовна – аспирант отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия; e-mail: Sabira16@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.02.2016

риале фольклорных текстов и лексикографических справочников. Выборка синонимов составила 280 единиц. Процедура анализа проходила по следующим этапам: компонентный анализ семного состава ЛЕ-синонимов, выявление родовых и видовых архисем, определение структурных и функциональных особенностей семантических вариантов.

Результаты исследований и их обсуждение. С целью определения структурной организации ЛСП «НС» были проанализированы лексическая и семантическая стороны синонимии ЛЕ анализируемого поля.

Суммируя результаты анализа лексической стороны синонимического потенциала ЛЕ, входящих в ЛСП «НС», мы пришли к выводу, что данные ЛЕ обладают как высоким, средним или низким, так и нулевым синонимическим потенциалом. В последнем варианте они не входят ни в одно из определений ЛЕ, описывающих НС или в целом мифологических персонажей. В зависимости от того, сколько синонимов у каждой из ЛЕ поля, определяется и ее место в ядре или перифериях анализируемого поля. Например, ЛЕ *убыр, аждаха, шайтан, жєн, бичура, мэчкэй, пэри, жєлмавыз, өрэк* в татарском языке и ЛЕ *devil, demon, satan, goblin* в английском языке с количеством синонимов от 8 и выше, соответствующим высокому или среднему показателю синонимии, формируют ядро и область ближайшей периферии ЛСП «НС». ЛЕ с низким синонимическим потенциалом (1–5 единиц) – например в татарском языке к таковым относятся ЛЕ *жєн-пэри, албасты, гыйфрит, дию, елан*, а в английском языке ЛЕ *bogey, vampire, puck* – также входят в область ближайшей периферии. ЛЕ с нулевым синонимическим потенциалом формируют область дальней периферии анализируемого поля. К последним относятся следующие ЛЕ: в татарском языке – *дию пэрие, йилбеган, шәүлеган, бабай, мачин, бицин*; в английском языке – *nightmare, fiend, ghoul, bogeyman, bug, cacodemon, gremlin, wendigo, manitou*.

Согласно теории компонентного анализа, семная структура ЛЕ, в том числе и лексических единиц, описывающих НС, состоит из семы родового значения (или архисемы) и дифференциальных сем видового значения [2, с. 294].

В ходе анализа архисемного состава ЛЕ-синонимов были получены следующие результаты: во-первых, благодаря своей функции обобщающего понятия, архисемы распределяют весь корпус ЛЕ-синонимов по частным группам. К подобным архисемам относятся следующие ЛЕ ЛСП «НС»: в татарском языке – ЛЕ *убыр, албасты, бичура, гыйфрит, жєн* и т. д.; в английском языке – ЛЕ *bogey, demon, devil, goblin, vampire*. Часть данных ЛЕ-архисем объединяет лишь несколько ЛЕ. Например, татарские ЛЕ-архисемы *жєн-пэри, албасты, гыйфрит, дию* и английская ЛЕ-архисема *bogey (bogy)* входят в состав определений 2–5 ЛЕ, а татарские ЛЕ *иблис, йылмагус* и английские ЛЕ *vampire, nightmare* зафиксированы лишь в определении 1 ЛЕ. В обоих анализируемых языках были зафиксированы группы ЛЕ с максимальным количеством синонимов, описывающих природных существ-хранителей. К таковым относятся в татарском языке группа «ия», а в английском языке группа «fairy». Особенностью данных групп в обоих анализируемых языках является то, что в их составе выделяются более мелкие подгруппы (23 в татарском и 6 в английском языках), каждая из которых имеет свой лексический состав (общее количество ЛЕ в татарском языке 91, в английском – 41) и обобщающую архисему. Среди наиболее крупных отмечены, например, подгруппа «абзар иясе» с обобщающей архисемой *абзар иясе* ‘домовой, обитающий в хлеву’ и лексическим составом, включающим 9 ЛЕ: *мал иясе, аран иясе, кләүләр, зэнги баба, пэша ана, вол иясе, азбар хужа, йорт анасы, кура ийэсе*. В английском языке к подгруппе с наибольшим количеством синонимов относится, например, подгруппа «elf» (архисема *elf* ‘эльф’;

лексический состав включает 9 ЛЕ: *brownie, changeling, hob, leprechaun, little people, pixie, Robin Goodfellow, sprite, urchin*). Вне зависимости от того, является ли ЛЕ-архисема высокочастотной или низкочастотной, функция определителя уже говорит об универсальности. Согласно анализу лексического материала, данное свойство характерно ЛЕ как татарского, так и английского языков.

Во-вторых, архисема представляет собой сочетание двух элементов. В татарском языке в группе «ия» наиболее высокочастотным является сочетание основной ЛЕ-архисемы *ия* и ЛЕ со значением «дом, хлев, амбар, лес, вода, поле» (например, *йорт + ия, абзар + ия, урман + ия, су + ия, кыр + ия, жир + ия, тау + ия*). Помимо данного варианта архисемы были зафиксированы и другие: сочетание ЛЕ-архисемы *ия* + ЛЕ со значением «болезнь корь» (например, *кызамык + ия*); сочетание *ия* + ЛЕ со значением «ветер, земля, вода» (например, *жил / жир / су + ия*); сочетание *ия (ана)* + ЛЕ со значением «рассвет» (например, *таң + ана*) и т. д.

В английском языке также зафиксированы различные варианты двусоставных архисем: сочетание ЛЕ со значением «гном, эльф, человек, маленький, крылатый» + *being / creature* (например, *dwarf(elf)-like / human / small / winged + being / creature*); сочетание ЛЕ со значением «вода, море, озеро, пещера, природа» + *spirit / creature / nymph / lady* (например, *water (sea, lake, cave, nature) + being (creature, nymph)*); сочетание ЛЕ со значением «воздух» + *nymph* (например, *air + nymph*).

Таким образом, очевидны определенные сходства и различия в описании НС-природных духов. Например, в татарском языке больше упоминаются наземные природные объекты, а в английском – водные. Это объясняется природными особенностями территории проживания носителей языков и особенностями их жизнедеятельности. Выделяется и такой контекст, как состояние детей, особенно вызванное болезнью. В частности, отмечена активностью употребления татарская лексема ‘корь’, что, очевидно, указывало на распространенность данного заболевания среди детей и связанных с ним суеверных представлений (например, в ЛЕ *чәчәк анасы, чәчәк иясе, чәчәк әбисе, чәчәк анасы, кызамык әби*). К сходствам относится такое социально значимое явление, как «хозяйственность, руководство и управление домом», сохранившееся в семах *ия* и *lady*.

В-третьих, количество архисем в семном составе ЛЕ-синонимов может варьироваться от 1 до 5 единиц. Группы ЛЕ с единственной и одной и той же архисемой относятся к полным синонимам, а ЛЕ с несколькими архисемами – к частичным синонимам. Особого внимания заслуживает анализ именно ЛЕ-частичных синонимов, так как данный вид синонимов представлен разнообразными лексическими и семантическими вариантами.

В результате анализа частичных синонимов с точки зрения их семантической структуры, помимо ЛЕ-архисем (одной или нескольких), были выявлены дифференциальные семы двух вариантов: первые повторяют лексико-семантические категории, группы и семантические варианты (далее СВ), выявленные в ходе анализа семантического ядра и периферии ЛСП «НС»; вторые описывают новые СВ. В общей сложности, согласно анализу семных составов частичных синонимов, были выделены 8 групп ЛЕ с различным количеством архисем и дифференциальных сем (в отличие от полных синонимов с единственной архисемой). Например, в первую группу вошли ЛЕ, в семный состав которых входят одна архисема и дифференциальные семы. Например, в татарском языке ЛЕ *юха* [5, с. 723] – архисема *елан* ‘змея’ + семы *чибәр* ‘красивая’, *хатын-кыз рәвешенә* ‘в женском образе’; в английском языке ЛЕ *banshee (banshie)* [7, с. 500] – архисема *spirit* ‘дух’ и семы *female* ‘женский’, *warns* ‘предупреждает’, *long sad*

cry 'протяжный печальный вой', *wailing* 'причитания'. Во вторую группу вошли ЛЕ с двумя архисемами. Например, в татарском языке ЛЕ *аздакы* (*аздахы*) [6, с. 22] – архисемы *аждаһа* 'дракон', *убыр* 'ведьма, оборотень'; в английском языке ЛЕ *bogle* [12, с. 29] – архисемы *phantom* 'призрак', *goblin* 'домовой, гоблин'.

Общий анализ лексического и семного состава данных групп показал, что семный состав с одной архисемой характерен ЛЕ в обоих анализируемых языках. Однако ЛЕ в татарском языке свойственно меньшее количество архисем. Например, в группах, где семный состав ЛЕ включает 2-3 архисемы, зафиксировано увеличение количества английских ЛЕ, а в группах, где семный состав ЛЕ включает 4-5 архисем, татарских ЛЕ зафиксировано не было. Следовательно, определениям образов НС в татарском языке свойственно больше краткости, лаконичности, что является результатом унификации (единообразия) мифологических образов. Причиной приведения всего многообразия образов мифологической системы к более или менее общему стандарту, вероятно, является влияние одной культуры, под которую и «перекраивались» все древние образы. В английском языке одна и та же ЛЕ, описывающая НС, имеет больше синонимов, один и тот же образ НС обладает множеством «лиц». Полученный результат становится более понятным в свете исторических событий, произошедших на территории Великобритании, когда наложение различных культур и верований привело к множественности наименований одного и того же образа. Тем не менее, несмотря на данное отличие, и в татарском, и в английском языках так или иначе в семной структуре ЛЕ, описывающих образы НС, выявляются следы взаимодействия различных народов. На это указывают результаты и некоторых других исследований. В частности, Р. Г. Ахметьянов подчеркивает, что «миф передается из племени в племя <...> при сильнейшем сближении и смешении» [1, с. 6].

Следует также отметить, что одной из причин заимствования и взаимозаменяемости ЛЕ, описывающих образы нечистой силы в татарском и английском языках, является их семантическое сходство. В основе данного сходства, очевидно, лежит изоморфное мышление и мировоззрение людей прошлого, живших на разных континентах и говоривших на различных языках. Данное сходство выражается посредством общих семантических категорий, семантических вариантов или констант. Одни и те же константы, представленные в различных языках, являются межнациональными, а константы, фиксируемые лишь в одном языке, имеют национальный характер. В рамках исследования семного состава ЛЕ-частичных синонимов межнациональными константами считаются СВ, зафиксированные в татарском и английском языках. Национальными константами являются СВ, которые по результатам анализа семного состава ЛЕ-частичных синонимов зафиксированы только в одном из анализируемых языков. И в том и в другом случае семантические константы были и остаются тем мостом, который сделал возможным взаимопроникновение элементов различных культур в прошлом. Более того, и в настоящее время семантические константы лежат в основе межкультурной коммуникации.

С точки зрения вариативности дифференциальных сем, которые согласно теории компонентного анализа представляются в двух видах – описательном и относительном [2, с. 294], – межнациональные константы представлены в большей мере описательными семмами (16 СВ), чем относительными (6 СВ). Анализ вариативности дифференциальных сем, представляющих национальные константы, показал совершенно противоположный результат, т. е. меньшее количество описательных сем (в татарском языке – 40 СВ, в английском языке – 34 СВ) и большее количество относительных (в татарском языке – 52 СВ, в английском языке – 48 СВ).

Таким образом, согласно выявленным особенностям межнациональных констант, а также преобладающему большинству описательных сем в татарском и английском языках, следует отметить первичность наблюдения за окружающим миром в анализируемых языках и культурах. Речь идет, в частности, об описании формы тела, телосложения, характерных черт и способностей мифологических существ. Особенно акцентируется внимание на антропоморфной внешности, высоком росте, вредном и злом характере, способности к магии и предсказаниям, принадлежности к женскому или мужскому полу, преклонном возрасте, способах питания. Меньшее количество относительных сем говорит о вторичности таких явлений, как взаимоотношения между индивидами, место действия и выполняемые функции. Здесь следует отметить такие явления, как негативное воздействие на человека, директивная роль, а также такие локативные объекты, как леса, водоемы и т. п. Кроме этого, в зависимости от способа наблюдения и взаимоотношений с человеком определялась группа людей-объектов, на которых может быть направлено негативное воздействие. В данном случае в обоих языках зафиксирован СВ «мертвые люди», что указывает в обеих культурах на необходимость и важность оберегать покой людей даже после смерти. Другими словами, в семантике межнациональных констант отражается последовательность процесса жизнедеятельности человека в древности: от наблюдения за окружающим миром до активного участия в нем и сосуществования с окружающей средой, другими живыми существами и себе подобными. В отличие от межнациональных констант, национальные акцентируют внимание на первичности не наблюдения, а взаимоотношения людей с себе подобными, с другими живыми существами и окружающим миром в процессе жизнедеятельности. Таким образом, в данном случае следует говорить о метаморфозе в мировосприятии окружающего мира людьми, когда на первое место выходит действие, а не пассивное созерцание.

Результаты исследования семных составов частичных синонимов с точки зрения их оппозиционности представили широкий спектр вариантов с преобладанием бинарной оппозиции «антропоморфность – сверхъестественность», которая была зафиксирована в большинстве СВ. Кроме бинарной также были зафиксированы тернарная оппозиция «антропоморфность – сверхъестественность – зооморфность» и полисторонняя оппозиция «антропоморфность – сверхъестественность – зооморфность – в форме природных объектов».

Подводя итог результатам анализа СВ с точки зрения выявленных оппозиций, утверждаем об их преобладающем антропоморфизме, где человек представляется мерилем всех представленных явлений, что также подтверждается результатами анализа национальных и межнациональных констант. В целом результаты исследования констант и оппозиций отражают общую тенденцию мировосприятия людей прошлого и современности, согласно которой все в мире делится на свое и чужое. Свое – это антропоморфное, т. е. то, что применимо к человеку. Само собой разумеется, что понятного и объяснимого в мире больше, о чем свидетельствует больше СВ со значением антропоморфности в обоих языках. Так, антропоморфность представлена в 115 СВ (из них 60 СВ – в татарском языке, 43 СВ – в английском языке), а сверхъестественность представлена в 73 СВ (из них 29 СВ – в татарском языке, 34 СВ – в английском языке). Очевидно, все явления природы, животного и растительного мира, которые необъяснимы, вызывают, наряду с удивлением, также и недоверие, страх и отчуждение. Этим, вероятно, и объясняется то, что сверхъестественность со временем приобретает отрицательное значение.

Резюме. По результатам анализа структурно-семантических и других особенностей синонимов ЛЕ, входящих в ЛСП «НС», можно заключить, что, помимо несомненного вклада в систематизацию ЛЕ, описывающих образы НС, и увеличения количества лексиче-

ских и семантических единиц поля, сравнительный анализ синонимов в татарском и английском языках позволил выявить особенности мировосприятия и жизнедеятельности людей, живших на территории распространения татарского и английского языков, в процессе исторического, культурного и идеологического развития общества. Объединив в себе все вышеотмеченные факты, синонимия раскрывает причины высокой актуальности некоторых ЛЕ поля и их универсальной функциональности в плане семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М. : Наука, 1981. – 144 с.
2. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. – С. 291–294.
3. Кириллова И. В. Семантическое поле «нечистая сила»: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Екатеринбург, 2011. – 22 с.
4. Питина С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2002. – 191 с.
5. Татар теленен анлатмалы сүзлеге / Ф. Э. Ганиев ред. – Казан : Матбугат йорты, 2005. – 848 б.
6. Татар теленен зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.
7. Томахин Г. Д. Лингвострановедческий словарь. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2003. – 720 с., 8 л. ил.
8. Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда. 1 т. (А – Г) – Казан : Мәгариф, 2008. – 303 б.
9. Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда. 2 т. (Д – С). – Казан : Мәгариф, 2009. – 343 б.
10. Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек : 3 томда. 3 т. (С – Я). – Казан : Татарстан китап нәшрияты, 2011. – 199 б.
11. Simpson J., Roud S. A Dictionary of English Folklore. – New York : Oxford University Press, 2000. – 411 p.
12. Sikes W. British Goblins: Welsh Folk-lore, Fairy Mythology, Legends And Traditions. – London : Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, Crown Buildings, 1880. – 385 p.

UDC 811.512.145'372+811.111'372

A. M. Sabirova

STRUCTURAL-SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES OF SYNONYMS AS EXAMPLIFIED BY THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD «EVIL SPIRIT»

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia*

Abstract. The research of the synonymic potential of lexical units included into the lexical-semantic field «evil spirit» makes it possible to determine the structural-semantic organization of the target field. The key criterion in determining the nuclear and periphery of the field is the proportion of

© Sabirova A. M., 2016

Sabirova, Aygul Marsovna – Post-graduate Student, Department of Lexicography, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; e-mail: Sabira16@yandex.ru

The article was contributed on February 05, 2016

the synonyms with reference to every lexical unit of the field. When studying the semantics of the synonyms, the key criteria are the composition of archisemes, variation of differential semes, semantic constants and oppositions.

Keywords: *synonymic potential, componential analysis, archiseme, differential seme, international/national constants, binary opposition, anthropocentrism.*

REFERENCES

1. Ahmet'janov R. G. Obshhaja leksika duhovnoj kul'tury narodov Srednego Povolzh'ja. – M. : Nauka, 1981. – 144 s.
2. Gulyga E. V., Shendel's E. I. O komponentnom analize znachimyh edinic jazyka // Principy i metody semanticheskikh issledovanij. – M. : Nauka, 1976. – S. 291–294.
3. Kirillova I. V. Semanticheskoe pole «nechistaja sila»: lingvokul'turologicheskij aspekt : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Ekaterinburg, 2011. – 22 s.
4. Pitina S. A. Koncepty mifologicheskogo myshlenija kak sostavljajushhaja konceptosfery nacional'noj kartiny mira. – Cheljabinsk : Cheljab. gos. un-t, 2002. – 191 s.
5. Tatar telenen anlatmaly suzlege / F. Je. Ganiev red. – Kazan : Matbugat jorty, 2005. – 848 b.
6. Tatar teleneñ zur dialektologik syzlege / toz.: F. S. Bajazitova, D. B. Ramazanova, Z. R. Sadyjkova, T. H. Həjretdinova. – Kazan : Tatar. kit. nəshr., 2009. – 839 b.
7. Tomahin G. D. Lingvostranovedcheskij slovar'. Soedinennoe Korolevstvo Velikobritanii i Severnoj Irlandii. – M. : AST-PRESS, 2003. – 720 s., 8 l. il.
8. Urmanche F. I. Tatar mifologijase. Jenciklopedik syzlek: 3 tomda. 1 t. (A – G) – Kazan : Məgarif, 2008. – 303 b.
9. Urmanche F. I. Tatar mifologijase. Jenciklopedik syzlek: 3 tomda. 2 t. (D – S). – Kazan : Məgarif, 2009. – 343 b.
10. Urmanche F. I. Tatar mifologijase. Jenciklopedik syzlek: 3 tomda. 3 t. (S – Ja). – Kazan : Tatarstan kitap nəshrijaty, 2011. – 199 b.
11. Simpson J., Roud S. A Dictionary of English Folklore. – New York : Oxford University Press, 2000. – 411 p.
12. Sikes W. British Goblins: Welsh Folklore, Fairy Mythology, Legends And Traditions. – London : Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, Crown Buildings, 1880. – 385 p.